

С.П. ДОНЦЕВ*

ПРЕЗИДЕНТ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозного фактора российского президентализма и механизмов коммуникации между президентом и религиозными организациями. Автором выделяются два типовых алгоритма коммуникации: алгоритм «А» (выработка религиозными организациями механизмов артикуляции своих интересов и формирование институтов их представительства с целью оказать влияние на принятие решений органами государственной власти) и алгоритм «Б» (государство задействует религиозный фактор при реализации государственной политики, используя имеющиеся или создавая новые коммуникативные механизмы для взаимодействия с религиозными организациями). Показано, как данные алгоритмы реализовывались при взаимодействиях президента и религиозных организаций (разработка и принятие Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», вопросы передачи в собственность религиозным организациям культовых сооружений и др.). В статье проведен анализ институтов коммуникации президента с религиозными организациями. Особое внимание уделено рассмотрению функций Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и их эволюции. Делается вывод, что Совет является ключевым институтом, позволяющим религиозным организациям артикулировать свои интересы при взаимодействии с президентом, что членство в Совете является де-факто критерием традиционности религиозной организации, что, в свою очередь, открывает возможности для ее совместной деятельности с государственными институтами. При этом важное значение имеет

* **Донцев Сергей Павлович**, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: dontsev@gmail.com

и непосредственная коммуникация президента с лидерами религиозных организаций вне рамок государственных институтов.

В статье также анализируется посредническая функция президента как возможного арбитра при разрешении конфликтных ситуаций в религиозной сфере. Выявлена значимость этой функции в период президентства В. Путина. Посредническая миссия президента анализируется на примере преодоления конфликта РПЦ и Русской православной церковью за границей (РПЦЗ) и в ряде других сюжетов. Рассматривается также символический аспект взаимодействий президента и религиозных организаций. Показано, что религиозный фактор проявляется в церемонии инаугурации президентов, а принадлежность к православной религиозной традиции является одной из составляющих имиджа российских президентов. Делается вывод об особенностях и эволюции взаимодействий президента и религиозных организаций: о формировании их институциональных оснований к концу 1990-х годов, о преобладании алгоритма «А» до начала 2000-х годов и постепенном его замещении алгоритмом «Б» в последующий период; а также о том, что ключевым их актором является Русская православная церковь, которая и реализует большую часть имеющихся у религиозных организаций возможностей по выстраиванию взаимодействий с президентом России.

Ключевые слова: президент России; религиозная политика; государственно-конфессиональные отношения; государственные институты; религиозные организации; Русская православная церковь.

Для цитирования: Донцев С.П. Президент в системе государственно-конфессиональных отношений современной России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 216–239. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.09>

Введение

Президент России играет особую роль в формировании и реализации религиозной политики современной России. Его конституционные полномочия, наличие специализированных институтов коммуникации с религиозными организациями, возможности неформального взаимодействия с их лидерами превращают фигуру президента в одного из ключевых акторов государственно-конфессиональных взаимодействий. Однако институт российского президенциализма в указанном контексте изучен недостаточно. Религиозный фактор в функционировании российского президенциализма изучается преимущественно либо через призму конституционно-правовых оснований российской модели светскости (здесь среди прочего могут рассматриваться конституционные полномочия президента по реализации государственной политики в сфере свободы совести и вероисповедания [Пчелинцев, 2012;

Володина, 2005]; электоральных процессов (влияние религиозного фактора на президентские предвыборные кампании [Верховский, 2000; Морозова, 2012], либо в контексте более масштабных задач изучения государственно-конфессиональных отношений как таковых [Логинов, 2005]. Отдельные работы посвящены попыткам анализа особенностей религиозной политики конкретного российского президента (например, [Лункин, 2011]) или отдельных ее аспектов [Кашаф, 2017], религиозной риторики в президентском дискурсе [Хвастунова, 2014] и т.д.

Однако задача комплексного исследования религиозного фактора российского президентализма еще не решена. В настоящей статье предпринята попытка показать место и роль российских президентов в системе государственно-конфессиональных отношений современной России. Для достижения этой цели представляется необходимым в первую очередь проанализировать возможные механизмы коммуникации между религиозными организациями и президентом, выявить их специфические особенности и алгоритмы. Затем показать институциональные основания для реализации возможных алгоритмов коммуникации, рассмотреть как формальные (Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации), так и неформальные институты коммуникаций. Особый интерес в свете вышесказанного представляет посредническая функция президента как возможного арбитра при разрешении конфликтных ситуаций в религиозной сфере, так как при ее реализации задействованы различные алгоритмы коммуникации и используются как формальные (например, Министерство иностранных дел), так и неформальные институты. Взаимодействия президента и религиозных организаций осуществляются в определенном символическом пространстве, анализ которого позволит оценить контекст институциональной коммуникации и даст более развернутое представление о роли президента в системе государственно-конфессиональных отношений современной России. Методологическим основанием для решения указанных задач будет выступать неинституциональный подход Д. Норта, системный анализ и теория акторов.

Механизм коммуникации

Возможности президента по формированию религиозной политики России определяются, в первую очередь, его конституционными полномочиями: обладая правом законодательной инициативы, он может вносить в Государственную думу законопроекты, регламентирующие деятельность религиозных организаций, издавать соответствующие указы и распоряжения, подписывать или отклонять принятые Федеральным собранием законы, связанные с религиозной сферой, направлять распоряжения органам исполнительной власти, касающиеся взаимодействий с религиозными объединениями, и т.д. При этом выбранная в 1993 г. конституционная формула, определяющая возможности президента по взаимодействию с иными институтами государственной власти, является устойчивой и успешно функционирует в условиях изменения реального соотношения полномочий политических акторов [Борисов, 2018, с. 184]. Религиозные организации, равно как и другие институты гражданского общества, имеют определенные возможности влиять на принятие политических решений. Можно выделить два базовых алгоритма коммуникации государства и религиозных организаций в современной России. Алгоритм «А»: выработка религиозными организациями механизмов артикуляции своих интересов и формирование институтов представительства этих интересов (как формальных, так и неформальных) с целью повлиять на принятие решений органами государственной власти. Алгоритм «Б» характеризует другой вектор этого процесса: государство, реализуя определенный интерес, задействует религиозный фактор, используя имеющиеся или создавая новые коммуникативные механизмы для взаимодействия с религиозными организациями.

В случае реализации алгоритма «А» президент может выступать в качестве последней инстанции, своеобразного арбитра, который принимает окончательное решение или корректирует решения иных субъектов государственной религиозной политики. Либо – второй вариант – президент является непосредственным актором, к которому религиозные организации напрямую обращаются для решения возникающих проблем.

В случае реализации алгоритма «Б» президент сам формулирует актуальные задачи какого-либо направления государственной политики, но учитывает при их постановке религиозный фактор,

который может, по его мнению, способствовать их решению. Президент не привлекает напрямую религиозные организации к решению поставленных задач, он, скорее, открывает для них «окно возможностей», позволяющее сотрудничать в том или ином аспекте реализации государственной политики.

Это, безусловно, идеальные модели, которые в реальности могут взаимно дополнять друг друга. Преобладание алгоритма «А» наблюдалось преимущественно до 2000-х годов, когда религиозные организации активно артикулировали свои требования и пытались претендовать на определенную субъектность в качестве акторов религиозной политики.

Наиболее показательным примером, иллюстрирующим данный тезис, является сюжет с разработкой и принятием в середине 1990-х годов Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», задавшего формат государственно-конфессиональных взаимодействий на многие годы вперед. Русская православная церковь (далее – РПЦ), выступая от лица крупнейших религиозных организаций, впервые через своих представителей непосредственно участвовала в процессе разработки федерального закона, четко артикулировав задачу необходимости регулирования / ограничения миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций и закрепления приоритетного статуса традиционных конфессий. Напомним, что долгий процесс согласования законопроекта, в котором участвовали представители Администрации президента, Комитета Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, Московской патриархии и других религиозных организаций, закончился тем, что президент Б. Ельцин в июне 1997 г. воспользовался своим правом вето и не подписал уже одобренный Советом Федерации закон. В данном случае показательно, что РПЦ, сумев выстроить коммуникацию с парламентом и убедив парламентариев в необходимости принятия закона в нужной для себя редакции, не смогла убедить в этом же президента. При этом итоговый, компромиссный, вариант законопроекта появился также в результате переговоров Администрации Президента с Московской патриархией [см. подробнее: Верховский, Михайловская, Прибыловский, 1999, с. 80–83]. Не менее показательна и острая реакция церкви по поводу вынесения президентского вето (Патриарх даже выпустил

специальное Заявление по этому поводу)¹. Стоит отметить, что это один из немногих примеров, когда президент и его решение подверглось публичной критике со стороны РПЦ (в дальнейшем ничего подобного не отмечалось).

В случае с принятием Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» мы наблюдаем реализацию алгоритма «А»: религиозная организация артикулирует свои требования, используя имеющиеся возможности по работе с парламентом, апеллирует при этом к государственным интересам (угроза потери религиозной идентичности как части цивилизационной идентичности) и добивается успеха (закон принимается в желаемой редакции). Коммуникация с президентом на этом этапе, очевидно, весьма ограничена. Далее президент выступает в качестве арбитра. Он отклоняет закон, мотивируя свое решение тем, что его нормы являются дискриминационными, и инициирует процедуру согласования обновленной редакции закона при участии Администрации Президента с целью выработки компромиссных формулировок. Фактически президент продемонстрировал, что именно он является ключевым актором религиозной политики. Была показана и важность неформальной коммуникации, и бесперспективность попыток добиться нужного сценария «в обход» президента. Важно подчеркнуть, что коммуникативные практики на данном этапе развития государственно-конфессиональных отношений только формировались и подобные значимые сюжеты превращались, по сути, в модели государственно-религиозного взаимодействия.

Алгоритм «А» затем проявил себя и в других сюжетах, связанных с решениями президента в сфере государственно-конфессиональных отношений, например по вопросам передачи в собственность религиозным организациям культовых сооружений. Этот процесс начался в 1987 г. [Цыпин, 1997, с. 456–457, 460, 471], и роль первых лиц государства здесь была ключевой. РПЦ была наиболее активна в этом процессе и напрямую обращалась к президенту, в том числе и публично. О надеждах РПЦ на то, что президент будет способствовать возвращению Церкви ее имущества,

¹ Алексей П. Заявление в связи с ситуацией, сложившейся вокруг нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Журнал Московской патриархии. – М., 1997. – № 8. – С. 19–20.

Патриарх Алексей II публично объявил еще в 1991 г.¹ В дальнейшем Патриарх также не раз заявлял, что находил понимание по вопросам возвращения церковного имущества со стороны и Б. Ельцина, и В. Путина². С 1993 по 1997 г. имущество передавалось религиозным организациям только в бессрочное пользование на основании распоряжений президента³, затем, исходя из положений Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», стала возможна и безвозмездная передача⁴. В 2000 г. юбилейный Архиерейский собор РПЦ сформировал даже специальное послание новому президенту, в котором, в частности, говорилось и о том, что «проблемы нынешних пользователей не могут становиться непреодолимым препятствием к возврату церковной собственности»⁵.

В. Путин выступал также и последней инстанцией в спорной ситуации, связанной с земельной собственностью религиозных организаций, которая возникла в связи с принятием в 2003 г. нового Земельного кодекса РФ, обязывающего юридических лиц переоформить находящуюся в бессрочном пользовании землю в собственность либо взять ее в аренду (для религиозных организаций, чьи культовые объекты находились на земле с высокой рыночной стоимостью, это стало серьезной проблемой). В течение года все заинтересованные стороны не могли согласовать необходимые

¹ Обращение святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексея II к Президенту России Ельцину Б.Н. // Журнал Московской патриархии. – 1991. – № 10. – С. 10.

² См., например: Созидая единство духа в союзе мира: Беседа со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием ответственного секретаря Издательского Совета Жилкина М. // Журнал Московской патриархии. – 2005. – № 5. – С. 22–25.

³ Распоряжение Президента Российской Федерации № 281-рп от 23 апр. 1993 г. «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 1455.

⁴ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (Дата посещения: 20.06.2019.)

⁵ Послание Архиерейского собора Русской Православной Церкви Президенту Российской Федерации В.В. Путину // Архив официального сайта Московского Патриархата 1997–2009. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2004/10/7805/> (Дата посещения: 20.06.2019.)

поправки в законодательство, и только личный контроль президента и его напоминание правительству о необходимости решить проблему способствовали разрешению конфликта. И не случайно, что именно президент в октябре 2004 г. на встрече с участниками Архиерейского собора РПЦ лично объявил об изменениях в земельном законодательстве и подписании соответствующих законов¹.

Схожая ситуация, когда именно благодаря вмешательству президента была решена еще одна проблема религиозных организаций, повторилась и в 2002 г. с принятием изменений в Налоговый кодекс, вводящих единую ставку налога на прибыль и отменяющих существовавшие ранее льготы. Сценарий повторился: РПЦ от лица религиозных организаций приняла активное участие в обсуждении поправок в законодательство, снижающих им налоговую нагрузку. Патриарх дважды встретился с президентом с целью изложения своей позиции, и это, судя по всему, сыграло свою роль: в Налоговый кодекс РФ были внесены столь необходимые религиозным организациям изменения, которые фактически возвращали отмененные ранее льготы².

Схожий сценарий повторился и с проблемой отсутствия государственной аккредитации у религиозных вузов. Несмотря на неоднократные обращения представителей РПЦ и Патриарха, а также мусульманских организаций в Правительство РФ с просьбой повлиять на ситуацию, она не менялась. Проблема была решена только после того, как президент публично высказался в поддержку права религиозных вузов аккредитовывать свои образовательные программы в соответствии с государственными стандартами и поручил правительству разработать соответствующие законопроекты³.

¹ Выступление на встрече с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22624> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.05.2002 № 57-ФЗ // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36907/ (Дата посещения: 20.06.2019.)

³ Президент России поддержал идею предоставить духовным учебным учреждениям право выдавать дипломы гособразца // Информационный портал «Ин-

Отметим, что алгоритм «А» задействуется не только для решения каких-либо проблем. Так, возможность прямого обращения к президенту непосредственно через органы управления религиозных организаций и последующую положительную реакцию главы государства можно проиллюстрировать появлением новой памятной даты Российской Федерации – Днем крещения Руси: Патриарх от лица Архиерейского собора РПЦ предлагает президенту (на тот момент Д. Медведеву) учредить в стране государственный праздник в честь святого равноапостольного князя Владимира¹, и это предложение оказывается услышанным.

Примеры реализации алгоритма «Б», который стал преобладать с середины 2000-х годов, будут приведены при рассмотрении вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ (далее Совета), так как именно там наглядно демонстрировались актуальные для государства аспекты сотрудничества с религиозными организациями.

Институты коммуникации

Коммуникация президента с религиозными организациями в современной России может осуществляться посредством специально созданного для этой цели института – Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, который за время своего существования претерпел значительную эволюцию. Напомним, что после ликвидации Совета по делам религий при Совете министров СССР в ноябре 1991 г., органов по коммуникации государства с религиозными объединениями в России сформировано не было. Ситуация изменилась в апреле 1995 г., когда распоряжением Б. Ельцина был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Характерно, что в самом Распоря-

терфакс-религии». – 2007. – 9 ноября. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=21304 (Дата посещения: 20.06.2019.)

¹Послание Святейшего Патриарха Алексия от имени Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву // Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/428844.html (Дата посещения: 20.06.2019.)

жении признавалось, что инициатива его создания шла именно со стороны «представителей ряда религиозных объединений» (каких именно, не конкретизировалось), а президент с ней только «соглашался»¹. Предложения по персональному составу Совета было поручено сформировать руководителю Администрации президента (на тот момент С. Филатову), а в самой администрации создавался специальный отдел по взаимодействию с религиозными объединениями (в составе Управления по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального собрания). В составе Совета из 16 человек два места закреплялось за представителями Администрации Президента, а оставшиеся 14 мест – за представителями религиозных организаций (по два места у представителей РПЦ, католиков, российских мусульман, старообрядцев, по одному у буддистов, баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и лютеран)². Состав представителей от религиозных организаций в последующем претерпел незначительные изменения – некоторые религиозные организации из него исчезли (например, Древлеправославная поморская церковь), некоторые добавились (например, Армянская апостольская церковь), а РПЦ усилила свое представительство.

Совет стал основным формальным институтом коммуникации между президентом и религиозными организациями, доводящим до президента и его администрации их позицию по вопросам государственно-конфессиональных отношений. Согласно утверждению президентом положению о Совете, он стал консультативным органом, осуществляющим «предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для президента», касающихся его взаимодействия «с религиозными объединениями и повыше-

¹ Распоряжение Президента РФ от 24.04.1995 № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=217813#09049347125630032 (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229203#05757490308052597 (Дата посещения: 20.06.2019.)

ния духовной культуры общества»¹. Совет информирует президента о позиции религиозных объединений по вопросам политики государства; обсуждает проекты нормативных актов, затрагивающих отношения между государством и религиозными объединениями. Среди функций Совета в первой редакции Положения было заявлено об участии его членов «в разработке современной концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений». Потом эта позиция исчезла, а Концепция не разработана до сих пор.

В 1996 г. вскоре после создания Совета в его составе произошли серьезные изменения – в него вошли дополнительно 16 человек (из них три представителя РПЦ, шесть представителей различных институтов исполнительной власти (преимущественно в должности заместителей министра) и представители трех субъектов России – президенты Калмыкии и Башкортостана и глава администрации Новгородской области². В таком качестве Совет проработал вплоть до ухода Б. Ельцина в отставку, превратившись, по сути, в институт коммуникации не только между религиозными организациями и президентом, но и исполнительной властью в целом.

С избранием В. Путина президентом Совет был серьезно реформирован: из него были исключены представители федеральных органов исполнительной власти, в результате чего он перестал дублировать функции правительственной Комиссии по вопросам религиозных объединений и стал каналом коммуникации исключительно между религиозными объединениями и администрацией Президента РФ (представители исполнительной власти при этом могут приглашаться на его заседания). Обеспечение деятельности Совета было возложено на Главное управление внутренней политики президента. В обновленный Совет вошли 24 человека. Из них

¹ Распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229203#05757490308052597 (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Распоряжение Президента РФ от 04.03.1996 № 104-рп «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=232921&dst=100018&date=15.06.2019 (Дата посещения: 20.06.2019.)

три представителя Администрации Президента: председатель Совета (он же Руководитель Администрации Президента), его заместитель и ответственный секретарь. Из других представителей органов государственной власти в Совете остался только полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Совете Федерации, но и он потом был оттуда исключен. В Совет были включены также пять представителей экспертного сообщества. Остальные 15 мест оказались распределены среди религиозных организаций, причем треть из них – пять мест – было занято представителями РПЦ. Также в Совет опять вошли по два представителя мусульман и иудеев и по одному представителю российских старообрядцев, католиков, буддистов, баптистов, пятидесятников, лютеран, адвентистов седьмого дня. Причем все религиозные организации, кроме РПЦ, были представлены первыми лицами¹. Затем состав Совета менялся еще 15 раз. По состоянию на июнь 2019 г. в нем насчитывается 23 человека. Количество представителей иудеев сократилось до одного, до четырех сократилось и число представителей РПЦ. Добавился представитель Армянской апостольской церкви и еще один представитель ислама (председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа). В целом христиане представлены 11 членами, т.е. имеют абсолютное большинство в Совете. Сам президент непосредственного участия в работе Совета не принимает; за все время его существования глава государства только дважды встречался с советом (В. Путин в 2004 г. и Д. Медведев в 2009 г.).

Анализ повестки заседаний Совета свидетельствует, что с 1996 г. до его реформы в 2000 г. он чаще служил площадкой артикуляции интересов религиозных организаций. Например, в мае 1996 г. Совет высказался за предоставление им дополнительных налоговых льгот, предложил внести изменения в Закон «О некоммерческих организациях», исключив из него нормы, «ущемляющие права религиозных объединений»². В ноябре 1996 г. был под-

¹ Распоряжение Президента РФ от 17.03.2001 № 3 133-рп (ред. от 07.02.2004) «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=233126#03102061913757048> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Религиозные объединения РФ настаивают на предоставлении им дополнительных налоговых льгот // Информационный портал «Интерфакс-религии». –

нят вопрос о признании православия официально доминирующей религией на территории РФ¹. После реформирования Совета в 2000 г. в его повестке все чаще стала звучать солидарность с государством, члены Совета стали включаться в решение актуальных для государства задач, вырабатывать стратегии в области сотрудничества религиозных и государственных институтов, т.е. стал реализовываться, а со временем и преобладать алгоритм «Б» по нашей классификации. Например, в октябре 2004 г. Совет принял заявление о борьбе с терроризмом и призвал религиозных лидеров «разъяснять необходимость принимаемых мер по обеспечению безопасности граждан»². Все чаще стали подниматься вопросы поддержки благотворительной и социально ориентированной деятельности религиозных организаций³, проекты по формированию российской идентичности и участию религиозных организаций в реализации государственной политики в области адаптации мигрантов⁴, гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений (с этой целью в 2011 г. была создана даже специальная комиссия Совета). На единственном совместном заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями и Государственного совета России, которое проходило в присутствии президента Д. Медведева в 2009 г., обсуждалось взаимодействие в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования при

Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=archive&div=5919>
(Дата посещения: 20.06.2019.)

¹ Представители религиозных объединений высказываются против создания государственного органа по делам религии // Информационный портал «Интерфакс-религии». – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5984> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Заявление членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации 29 сентября 2004 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/2043/> (Дата посещения: 20.06.2019.)

³ Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 3 августа 2010 года // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/8560/> (Дата посещения: 20.06.2019.)

⁴ Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 24 апреля 2014 года // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/20861> (Дата посещения: 20.06.2019.)

выработке молодежной политики¹. После 2014 г. Совет более активно стал поддерживать внешнеполитические инициативы государства (была создана рабочая группа по развитию российско-китайских отношений в религиозной сфере; в 2017 г. была поддержана инициатива религиозных деятелей России по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии², а в 2018 г. состоялся визит делегации Совета в Сирию и Ливан³.

Непосредственная коммуникация

Отдельно следует остановиться на механизмах коммуникации вне рамок государственных институтов. Здесь можно выделить, с одной стороны, формально-протокольную составляющую. Направляя в адрес религиозных лидеров поздравления с праздниками и юбилейными датами, вручая им государственные премии или награды, президент демонстрирует обществу, какие религиозные структуры представляются ему наиболее значимыми. Но более важна (в контексте формирования религиозной политики) непосредственная коммуникация с лидерами религиозных организаций. Это позволяет президенту напрямую доносить им свое видение специфики государственно-конфессиональных взаимодействий. Для религиозных организаций это тоже является уникальным каналом артикуляции собственных интересов. Подобная прямая коммуникация может осуществляться и в рамках государственных институтов, но, как отмечалось выше, на заседаниях Совета по взаимодействию с религиозными объединениями российские президенты присутствовали всего два раза, т.е. она является скорее эпизодической. Реальная же практика взаимодействия президента

¹ Совместное заседание Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/3405> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 30 марта 2017 года // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/54156> (Дата посещения: 20.06.2019.)

³ Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями 27 сентября 2018 года // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/58641> (Дата посещения: 20.06.2019.)

и религиозных лидеров не ограничивается институционализированными структурами. Здесь велика роль неформальной составляющей, которую очень сложно анализировать, но можно зафиксировать по фактам встреч главы государства с представителями религиозных организаций вне рамок протокольных мероприятий, или даже в их рамках, но когда содержание встреч происходит «за закрытыми дверями». Наиболее часто личные встречи российские президенты проводят с Патриархом Русской православной церкви. Более того, это единственный религиозный лидер, с кем проводятся регулярные встречи вне протокольных мероприятий. В 2004 г. Алексей II даже вошел в десятку персон, с кем В. Путин встречался чаще всего¹. Официальные пресс-релизы традиционно сообщают только самую общую канву встречи – как правило, они информируют о том, что обсуждались актуальные проблемы государственно-конфессиональных отношений.

Институт посредничества

Посредническая функция президента как возможного арбитра при разрешении конфликтных ситуаций в религиозной сфере наиболее ярко проявилась в период президентства В. Путина. Проявляется она исключительно в контексте мировой политики и международных отношений. Внутри российской политической системы, безусловно, существуют элементы межконфессиональной и внутриконфессиональной напряженности. Однако даже в условиях достаточно острого противостояния внутри российской исламской уммы [Силантьев, 2007] президент никогда не брал на себя посреднические функции. Во внутрироссийские конфликты в религиозной сфере президент не вмешивается, но в международном контексте, если необходима поддержка российской стороне конфликта и / или конфликт связан, по мнению президента, с российскими национальными интересами, посредничество возможно. При этом со стороны российских религиозных организаций субъектом подобных конфликтов является исключительно РПЦ как единственная российская религиозная структура, имеющая обширную

¹ 1165 дел за 321 день // Коммерсантъ Власть. – М., 2005. – № 11. – С. 24.

повестку в рамках международной проблематики [Донцев, 2014, с. 109–152].

Наиболее значимым примером посреднической миссии президента можно считать его роль в преодолении конфликта между РПЦ и Русской православной церковью за рубежом (РПЦЗ) и их последующего объединения. Фактически президент выступил и как инициатор, и как модератор примирения двух религиозных структур. В. Путин никогда не скрывал, что восстановление отношений между РПЦ и РПЦЗ имеет для него государственное значение: это «больше чем внутрицерковные процессы, это символ возрождения, воссоединения самого российского народа», – говорил президент¹. Во время визита в США в сентябре 2003 г. В. Путин встретился с высшим руководством РПЦЗ и передал приглашение от Патриарха Алексия II и от себя лично посетить Россию. Когда 14 мая 2004 г. в Россию впервые в истории с официальным визитом прибыл глава РПЦЗ митрополит Лавр, ему была организована трехсторонняя встреча с В. Путиным и Патриархом Алексием II. В сентябре 2005 г., во время очередного визита в США, президент вновь встретился с иерархами РПЦЗ. На торжественном подписании в храме Христа Спасителя «Акта о каноническом общении между РПЦ и РПЦЗ» президент России был одной из ключевых фигур, он выступил с речью, в которой в очередной раз подчеркнул общероссийское значение объединения церквей².

Среди других сюжетов, в которых проявилась посредническая функция президента, можно упомянуть конфликт, связанный с юрисдикцией приходов и церковным имуществом в Эстонии. Причиной конфликта, в котором помимо непосредственных участников в лице Московского и Константинопольского патриархатов участвовали и государственные институты России и Эстонии, стал

¹ Стенографический отчет о встрече с Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым, Первоиерархом Русской Православной Зарубежной Церкви митрополитом Лавром и архиепископом Берлинско-Германским и Великобританским Марком 27 мая 2004 года // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22478/print> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² Выступление президента РФ В.В. Путина на церемонии подписания Акта о каноническом общении Московского патриархата и Русской зарубежной церкви // Информационный портал «Интерфакс-религии». – 2017. – 17 мая. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/dialog/?act=documents&div=638 (Дата посещения: 20.06.2019.)

отказ эстонского правительства в государственной регистрации Эстонской православной церкви Московского патриархата (ЭПЦ МП). Патриарх Алексей II неоднократно обсуждал эту проблему с российским президентом. Сам же В. Путин также активно выступал в роли посредника переговорного процесса. Так, в 2003 г. он затронул вопрос визита Алексея II в Эстонию во время встречи с Президентом Эстонии А. Рюйтелем в Нью-Йорке¹. 20 января 2005 г. состоялась уже трехсторонняя встреча президентов России и Эстонии и Патриарха, на которой обсуждалось в том числе и положение ЭПЦ МП². В целом во многом благодаря активной позиции лично президента и российского Министерства иностранных дел участникам конфликта удалось достичь компромисса.

В межконфессиональном конфликте на Украине президент только в самом начале 2000-х годов пытался выступить как посредник. Например, 29 ноября 2001 г., во время визита в Москву президента Украины Л. Кучмы, в Кремле состоялся рабочий обед с участием президентов России, Украины и Патриарха Алексея II, на котором обсуждалось положение православия на Украине³. Однако в последующем фиксировалась уже не столько посредническая функция президента, сколько его обеспокоенность фактами нарушения прав верующих Украинской православной церкви Московского патриархата и вмешательством украинских государственных структур в межконфессиональный конфликт.

¹ Патриарх и президент обсудили итоги своих зарубежных визитов // Информационный портал Православие.ru. – 2003. – 15 окт. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/7863.html> (Дата посещения: 20.06.2019.)

² В Патриарших палатах Кремля состоялась трехсторонняя встреча Президентов России и Эстонии и Предстоятеля Русской Православной Церкви // Архив официального сайта Московского Патриархата 1997–2009. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2005/01/8430-1/> (Дата посещения: 20.06.2019.)

³ В Кремле состоялась встреча Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексея II с Президентами России и Украины // Архив официального сайта Московского Патриархата 1997–2009. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2001/12/nr112032/> (Дата посещения: 20.06.2019.)

Символический аспект взаимодействий

Принадлежность к православной религиозной традиции и Русской православной церкви на протяжении всей постсоветской истории нашего государства является одной из составляющих имиджа российских президентов. Все президенты участвовали в религиозных церемониях, традиционно присутствовали на Рождественских и Пасхальных богослужениях. Особенно заметно это было в течение первых двух сроков В. Путина, который не только говорил о себе как о православном христианине¹, но и регулярно посещал православные святыни и в ходе рабочих поездок (в том числе и за рубежом), и во время отпуска. В отличие от Б. Ельцина и Д. Медведева В. Путин поздравляет с юбилеями не только лидеров и руководителей крупнейших российских религиозных организаций, но и почитаемых православными старцев, настоятелей монастырей, посылает им послания с пожеланиями выздоровления в случае их болезни и т.п.²

Религиозный фактор проявляется и в такой важной в символическом аспекте процедуре, как вступление вновь избранного Президента России в должность. Отметим, что христианская символика присутствует и на Знаке Президента – символе президентской власти³. На церемонии инаугурации традиционно присутствуют лидеры религиозных организаций, представляющих конфессии, упомянутые в преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые призваны символизировать многоконфессиональный характер российского государства. Однако Патриарх – единственный из религиозных лидеров, который уча-

¹ См., например: Путин В. Активная деятельность Русской православной церкви – фактор стабильности российского общества // Журнал Московской патриархии. – М., 2004. – № 6. – С. 56–57.

² См., например: Президент направил послание архимандриту Иеремии, игумену Русского на Афоне монастыря Святого Пантелеимона // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/34799> (Дата посещения: 20.06.2019).

³ Указ Президента РФ от 27.07.1999 № 906 (ред. от 16.12.2011) «Об утверждении описания символа президентской власти – Знака Президента Российской Федерации и описания специального знака Президента Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14170> (Дата посещения: 20.06.2019.)

стует либо непосредственно в церемонии инаугурации президента, либо в продолжающих ее мероприятиях. Степень участия Патриарха в церемонии передачи власти менялась. В 1991 г. после произнесения президентом текста присяги и исполнения гимна России Патриарх Алексей II выступил с поздравительной речью. В 1996 г. Патриарх до начала церемонии вышел на сцену вместе с руководителями наиболее значимых органов государственной власти. Он также произнес напутственное слово и благословил президента непосредственно во время церемонии. Чрезвычайно интересно и участие Патриарха в процедуре передачи власти в 2000 г. Еще до официального объявления Б. Ельциным о сложении с себя полномочий он в числе немногих был проинформирован президентом о планируемой передаче власти В. Путину (была проведена трехсторонняя встреча действующего президента, будущего президента и патриарха) [Ельцин, 2008, с. 18]. 3 января 2000 г., когда в Кремле состоялась церемония передачи президентских полномочий, Патриарх тоже на ней присутствовал и дал благословение будущему президенту на предстоящий труд. На церемонии же инаугурации 7 мая 2000 г. Патриарх только присутствовал в зале вместе с другими религиозными лидерами. Однако затем в присутствии Президента был совершен патриарший молебен в Благовещенском соборе Московского Кремля, после которого Патриарх выступил с напутственным словом и дал благословение. Примерно та же схема повторилась в 2004, 2008, 2012 и 2018 гг.

Можно сделать вывод, что патриарший молебен и благословение после подчеркнуто светской инаугурации, которые стали уже устойчивой традицией, с одной стороны, должны продемонстрировать конституционный принцип светскости, а с другой – «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», в соответствии с преамбулой Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹.

¹ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (Дата посещения: 20.06.2019.)

Выводы

Институт президентства является ключевым фактором формирования и трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в России. Именно от того, в каком объеме и в каких направлениях президент реализует имеющиеся у него возможности влияния на формирование религиозной политики государства, зависит ее содержание. Можно сказать, что президент в данном вопросе является «вето-игроком», от позиции которого зависит, как будет регулироваться религиозная сфера, как и в каком объеме осуществляться взаимодействие с религиозными организациями. К середине 1990-х годов сформировались институциональные основы взаимодействия президента и религиозных организаций; при непосредственном участии президента были определены «правила игры» и основные каналы коммуникации. Ключевым институтом коммуникации с президентом стал Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте России. Религиозные организации, представители которых работают в Совете, де-факто определили тех игроков, с которыми приоритетно взаимодействуют государственные институты и позиция которых учитывается президентом при формировании религиозной политики государства.

Основным субъектом и одновременно объектом религиозной политики государства становится РПЦ, которая наиболее интенсивно взаимодействует с президентом и, зачастую формируя пожелания по изменению каких-либо принципов государственно-конфессиональных взаимодействий, выступает от лица наиболее крупных российских религиозных организаций. Остальные религиозные организации, представленные в Совете, как правило, поддерживают инициативы РПЦ. В неформальной коммуникации с президентом также преобладает РПЦ. В целом Русская православная церковь реализует большую часть имеющихся у религиозных организаций возможностей по выстраиванию взаимодействий с президентом России.

В период 1996 г. – начала 2000-х годов модель взаимодействия президента с религиозными организациями предполагала преимущественно артикуляцию последними своих пожеланий (по вопросам их обеспеченности) и реакцию на них президента. Таким образом реализовывался выделенный нами алгоритм «А». Начиная

с 2000-х годов происходила коррекция модели, расширялись возможности совместной деятельности, вырабатывались новые форматы взаимодействия, и алгоритм «Б» постепенно становился преобладающим.

В этот же период начинает проявляться посредническая функция президента при урегулировании конфликтов в религиозной сфере (преимущественно за рубежом), а внешнеполитическая повестка во многом начинает определять контекст взаимодействий религиозных организаций и Президента РФ. Эта тенденция еще более усилилась с 2014 г. И вновь РПЦ здесь являлась ключевым актором, именно в конфликтах с ее участием президент выступал в качестве посредника.

Символический аспект взаимодействий президента и религиозных организаций наиболее ярко проявляется в церемонии его инаугурации, а принадлежность к православной религиозной традиции является одной из составляющих имиджа российских президентов. Однако наблюдающееся в последние годы усиление традиционалистского дискурса, транслируемого президентом, позволяет предположить, что символический потенциал крупнейших религиозных организаций и, в первую очередь РПЦ, может еще больше проявить себя в системе государственно-конфессиональных отношений. Все это заострит вопросы, связанные с реальным содержанием конституционного принципа светскости и даст новый импульс дискуссии о перспективах десекуляризации в России.

Список литературы

- Борисов Н.А.* Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГГУ, 2018. – 537 с.
- Верховский А.* Религиозный фактор в президентской кампании и в формировании идеологии нового правления // Национал-патриоты, Церковь и Путин. – М.: ИИЦ «Панорама», 2000. – С. 75–83.
- Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.* Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. – М.: Панорама, 1999. – 191 с.
- Володина Н.В.* Государственно-конфессиональные отношения: теоретико-правовой анализ. – М.: Цит, 2005. – 303 с.
- Донцев С.П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. – М.: РГГУ, 2014. – 230 с.

- Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления... – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 383 с.
- Лункин Р.Н.* Ловушка для государства. Религиозная политика президента Дмитрия Медведева и РПЦ // Религия и российское многообразие. – М.; СПб.: Летний сад, 2011. – С. 165–177.
- Кашаф Ш.Р.* Реализация совместных инициатив президента России В.В. Путина и мусульманских религиозных организаций в сфере исламского образования: от эксклюзивизма к интеграции // Религия против терроризма: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 6 октября 2016 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 148–155.
- Логинов А.В.* Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – 495 с.
- Морозова О.С.* Религиозный фактор в избирательном процессе: анализ предвыборных программ // Выборы: теория и практика. – 2012. – № 4 (24). – С. 46–61.
- Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: Юриспруденция, 2012. – 244 с.
- Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. – М.: Алгоритм, 2007. – 576 с.
- Хвастунова Ю.В.* Религиозная риторика современных политических деятелей, на примере анализа «Крымской речи» В.В. Путина // Социальные процессы в современной Западной Сибири. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – Вып. 15. – С. 154–157.
- Цыпин В.* История Русской церкви: в 9 книгах / Протоиерей Владислав Цыпин. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Книга 9: 1917–1997. – 830 с.

S.P. Dontsev*

President in the system of state-religious relations of modern Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the religious factor of Russian presidentialism and the mechanisms of communication between the President and religious organizations. The author distinguishes two typical communication algorithms: algorithm «A» (development of mechanisms of articulation of religious organizations' interests and the formation of institutions of their representation in order to influence decision-making by public authorities) and algorithm «B» (the state uses the religious factor in the implementation of state policy, using existing or creating new mechanisms of communication for interaction with religious organizations). It is shown how these algorithms were implemented in solving specific problems facing the state and religious organizations (development and adoption of the law «On freedom of conscience and religious associations», the transfer of ownership of religious buildings to religious

* **Dontsev Sergei**, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: dontsev@gmail.com

organizations, etc.). In the article the analysis of the institutes of the communication of the President with religious organizations. Special attention is paid to the evolution of the functions of the Council for interaction with religious associations under the President of the Russian Federation and their evolution. It is concluded that the Council is the most important institution that allows religious organizations to articulate their interests in their interaction with the President, that membership in the Council is a de facto criterion of the traditional character of a religious organization, which in turn opens up opportunities for its joint activities with state institutions. At the same time, the President's direct communication with the leaders of religious organizations outside the framework of state institutions is also important. Special attention is paid to the analysis of the mediation function of the President in resolving conflict situations in the religious sphere. The importance of this function in the period of V. Putin's power is shown. The mediation mission of the President is analyzed on the example of overcoming the conflict between the Russian Orthodox Church and the Russian Orthodox Church Abroad and in a number of other subjects. The symbolic aspect of interaction between the President and religious organizations is also considered; it is shown that the religious factor is manifested in the inauguration ceremony of the presidents, and belonging to the Orthodox religious tradition is one of the components of the image of Russian presidents. The conclusion is made about the peculiarities and evolution of the interaction between the President and religious organizations: the formation of their institutional foundations by the end of the 1990 s, the predominance of the algorithm «A» until the early 2000 s and its gradual replacement by the algorithm «B» in the subsequent period; and also that their key actor is the Russian Orthodox Church, which realizes most of the opportunities available to religious organizations to build interactions with the President of Russia.

Keywords: President of Russia; religious policy; state-religious relation; state institutions; religious organizations; Russian Orthodox Church.

For citation: Dontsev S.P. President in the system of state-religious relations of modern Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 216–239. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.09>

References

- Borisov N.A. *The presidency in the post-Soviet space: processes of genesis and transformation*. Moscow: RSUH, 2018, 537 p. (In Russ.)
- Doncev S.P. *Russian Orthodox Church and the state at the turn of XX – XXI centuries: problems of interaction*. Moscow: RSUH, 2014, 230 p. (In Russ.)
- Lunkin R.N. A trap for the state. The religious policy of President Dmitry Medvedev and the Russian Orthodox Church. In: *Religion and the Russian variety*. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad, 2011, P. 165–177. (In Russ.)
- Kashav S.R. Implementation of joint initiatives of Russian President Vladimir Putin and Muslim religious organizations in the field of Islamic education: from exclusivity to integration. In: *Religion against terrorism: materials of the International Scientific*

- and Practical Conference*. Moscow, October 6, 2016. Moscow: RUDN, 2017. P. 148–155. (In Russ.)
- Khvastunova J.V. Religious rhetoric of modern politicians, on the example of the analysis of the «Crimean speech» of V.V. Putin. *Social processes in Modern Western Siberia. N 15*. Gorno-Altaysk: RIO Gaga, 2014, P. 154–157. (In Russ.)
- Loginov A.V. *Power and faith: the state and religious institutions in history and modernity*. Moscow: Great Russian encyclopedia, 2005, 495 p. (In Russ.)
- Morozova O.S. Religious factor in the electoral process: an analysis of election programs. *Vybory: teoria i praktika*. 2012, N 4 (24), P. 46–61. (In Russ.)
- Pchelintsev A.V. *Religious freedom and the activity of religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal framework*. Moscow: Yurisprudencia, 2012, 244 p. (In Russ.)
- Silantyev R. *Modern history of Islam in Russia*. Moscow: Algorithm, 2007, 576 p. (In Russ.)
- Tsy-pin V. *History of the Russian Church: 1917–1997*. Moscow: Publishing house of the Valaam monastery, 1997, 830 p. (In Russ.)
- Verkhovskiy A. Religious factor in the presidential campaign and in the formation of the ideology of the new government. In: *National patriots, the Church and Putin*. Moscow: Panorama, 2000, P. 75–83. (In Russ.)
- Verkhovskiy A., Mikhailovskaya E., Pribylovskiy V. *Political xenophobia. Radical group. Representations of politicians. The role of the church*. Moscow: Panorama, 1999, 191 p. (In Russ.)
- Volodina N.I. *State-confessional relations: theoretical and legal analysis*. Moscow: Shit-M, 2005, 303 p. (In Russ.)
- Yeltsin B.N. *Presidential marathon: Thoughts, memories, impressions*. Moscow: «Russian political encyclopedia» (ROSSPEN), 2008, 383 p. (In Russ.)